
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Наталья Галкина. Дебрянск. СПб.: Коло, 2022. — 328 с.

Наталья Галкина верна себе: все так же в ее плотных, невероятно насыщенных информацией текстах исторические реалии переплетаются с художественным вымыслом, прошлое причудливо смешивается с настоящим, размываются пространственные и временные границы. Словно готовя читателя к встрече с многослойным, сложно построенным повествованием — романом «Могаевский», Н. Галкина открывает сборник разнородными миниатюрами, порой переходящими в небольшие эссе и вполне завершенные новеллы. Это может быть всего несколько строк. Например: «Маленький Саша сказал, глядя на обломки чашки: — Да что же такое?! Посуду бьем-бьем, а счастья нету». Короткие реплики, автобиографические рассказы, уводящие в XX век, от-

клики на текущие события. По замечанию О. Некрасовой-Караваевой, «эти маленькие истории — словно стежки вышивальщиц, создающие бескрайнее декоративное полотно на темы жизни человеческой». А завершаются эти истории рассказом о пешем походе к возрожденной колокольне Мальского монастыря в старинной деревне Малы, разместившейся между Печорами и Изборском. «Мы успели побывать в мире, где на воздушных висит подъятый ввысь монашеской молитвой храм Святого Спаса, спасенный от врага, а самым слабым дарована невидимая охранная грамота колокольного звона». Рассказ «Путь в Малы», давший название всему разделу, превращается в символический итог авторским воспоминаниям и раздумьям. В следующем разделе включены новые рассказы писательницы, рассказы фантазийные и реалистичные, порой находящиеся на границе ирреальности и яви, в которых причудливо (снова причудливо!) переплетается жизнь персонажей, где в неразрывной сцепке оказываются случайность и предопределенность. Из обычного кафе в поселке Комарово, где неожиданно налетевшая буря собрала разношерстную публику, можно перенестись на Дальний Восток, с которым так или иначе связаны судьбы посетителей кафе. Туда, где однажды маленький мальчик собирал на запретной зоне удивительно красивые цветы — саранки, чтобы подарить маме, а с вышки, держа наперевес винтовку, на него смотрел часовой («Саранки»). Фантастичен рассказ «Свалка», героя которого, отправившегося с работниками Дизайн-центра на городскую техническую свалку — «кладбище детищ технического прогресса», ждут удивительные приключения в кругу ее странных обитателей. Обыденно-нелепа ситуация, с которой столкнулась разведгруппа, отправившаяся обследовать места, где когда-то произошел взрыв: там два насельника вопреки запрету продолжают ловить рыбу и охотиться, а метеоролог с давно не значащейся в списках точки исправно получает зарплату, наматывая сброшенные с парашюта деньги на бобины («Ненаселёнка»). Странную роль в жизни главной героини рассказа «Сон отрока» играет легенда о святом Варлааме Керетском из ныне заброшенного села на берегу Белого моря. Сокровенной книгой для итальянского маркиза Джулиано дель К. стал роман «Обломов», определивший его жизненное кредо. Все тайны этого русофила и филосемита раскроются лишь в конце рассказа («Истинная история Ильи О.»). А в судьбе героев рассказа «Бурьян» определяющую роль сыграл заросший бурьяном заброшенный цех кораблестроительного завода, где в бурю звучал таинственный голос. После хитросплетений судеб, времен, событий в миниатюрах и рассказах читатель готов к восприятию трехчастного романа «Могаевской», который впервые увидел свет в журнале «Нева» (2021, № 5). Главный герой романа — уже немолодой человек, ленинградец по рождению, ректор одного из крупнейших вузов в какой-то южной стране (читай Украина) — погружен в поиски прошлого. Он приезжает в родной город, чтобы уничтожить часть тиража своей единственной художественной книги, найти которую рассчитывает в букинистических магазинах. Он блуждает по гулким дворам-колодцам, проходя под связующими их арками подворотен, попадает в царство граффити, встречает странных, порой опасных персонажей. Он сравнивает «Московский дворик» Поленова и питерские дворы-колодцы, и если первый напоминал ему макет России помещицей, то петербургский двор — модель секретера с тайниками. Он проходит весь Невский проспект, и перед ним возникают канувшие в Лету кафетерий «Сайгон», кинотеатр «Октябрь», парфюмерный магазин «ТЭЖЭ», бессчетные книжные магазины Невского. У Н. Галкиной особый взгляд на петербургские здания и территории, которые они занимают: она словно видит сквозь время их прошлое и вместе со своими героями (Могаевский, его мать, лютьер Леман, являвшийся во снах матери и сыну) возвращает их из небытия, продолжая из книги в книгу воссоздавать свой Архипелаг Святого Петра. В поисках прошлого Могаевский обратится

к воспоминаниям о том, как выезжал с мамой из блокадного Ленинграда, как они попали на станцию, уже занятую немцами, и мать, по происхождению немка, стала работать в комендатуре машинисткой. И неизменно выплывало самое яркое из воспомина-ний: шествие евреев, не знавших, что их ведут на расстрел. Среди них старик, прижи-мающий к груди часы, мальчик-ровесник, гордящийся игрушечной машинкой, человек со скрипичным футляром. У. Н. Галкиной нет случайных деталей. И старика с часами, и мальчика с игрушечной машинкой Могаевский увидит снова на мемориале в овра-ге, установленном в память расстрелянных там евреев. А старинная скрипка с пятныш-ком на корпусе станет своеобразным маркером, проходящим через весь роман. И будет в романе поэтическое повествование о скрипках и скрипичных мастерах, об изгото-вителе струнных смычковых инструментов Лемане, лице реальном, ставшем одним из главных лиц этого романа. Текст переполнен обширными экскурсами, возникающими в романе по ходу сюжета: тут и псевдоономастика, которой увлекся когда-то герой, выбирая себе псевдоним; и все версии гибели группы Дятлова, о которых поведаает свердловчанин, встреченный в командировке; и рассказы попутчика из вагона-ресто-рана о музыке в ГУЛАГе. В поисках прошлого герою предстоит узнать, кто был его истинным отцом, и раскрыть все тайны своей матери, которая навсегда исчезла из его жизни после войны. И нельзя было ни писать ей, ни говорить о ней, ни искать. Но всю жизнь он помнил «запах юбки матери, особенно ему помнилась кремовая, бежево-ро-зовая в мелкий черно-коричневый цветочек, только вцепись — и ты в безопасности. Голос, певший ему песенки по-русски и по-немецки. Облако любви, окружавшее мать, в которое он входил, как в неподдельное счастье». И снова — стежки судьбы на боль-шом красочном полотне.

Олег Рябов. Луна в бокале: Стихи. Нижний Новгород: Книги, 2023. — 192 с.

Олег Рябов — значимая фигура в литературной жизни Нижнего Новгорода (глав-ный редактор журнала «Нижний Новгород», председатель Нижегородского отделения Литературного фонда России), более известен как прозаик. Его проза выходила от-дельными книгами («Четыре с лишним года», «Военный дневник», «КОГИз», «Запи-ски на полях эпохи»), появляется и на страницах литературно-художественных жур-налов. Проза как бы заслонила его стихи, и, по свидетельству близких ему людей, из-за этого он переживал, всегда подчеркивая, что является еще и поэтом. А лирик Олег Рябов — поэт очень тонкий, с обостренным чувством прекрасного, для которого «жизнь всегда большое чудо». И это чудо он видит и в большом, и в малом. Напри-мер, стихотворение «Стрекоза».

Какой кузнец тебе ковал
 Твои серебряные крылья?
 Какие он шептал слова,
 Даря их легкостью и силой?
 Он, видимо, еще владел
 Искусством древних ювелиров,
 Когда их в золото одел,
 Собрав для них все краски мира.
 Он подобрал тебе глаза
 Глубокие, как изумруды —
 Как будто замерла слеза,
 Но есть в них холодок остуды.

Сев на рыбацкий поплавок,
Ты первая встречаешь утро,
Хвост задирая в потолок,
Блестя блеском перламутра.

Темы, к которым О. Рябов обращается в своих стихах, традиционны для русской классической школы: природа, времена года, ушедшая юность, жизнь, смерть, вечная любовь, Родина. И каждая наполнена особыми, «рябовскими» смыслами и образами — признак большой поэзии. Особое место занимает и получает развитие образ «малой» Родины, конкретной, нижегородской.

В Семёнове с сосулк капало,
А ночью снова холодало:
Зима своей мохнатой лапою
Из леса стужу нагоняла.
С утра затапливались печки,
Дымки над трубами торчали,
И чудилось, что бесконечна
Зима, с морозными ночами...
В Семёнове умрешь со скуки,
Но это — Родина! Понятно?

Эпиграфом к этому стихотворению взята строка уроженца этих мест поэта Бориса Корнилова: «...где моя непонятная родина...» Эта «непонятная» родина у О. Рябова явлена в точных деталях и в неожиданных метафорах и, выходя за пределы одного региона, превращается во все еще знакомую, глубинную Россию.

Вот деревенька. Как семья маслят,
Присели избы под свое столетье,
И оконки, прищурившись, глядят,
Подсолнух, вишня и малина плетью...
Слух обострен, здесь ловишь каждый звук
И чувствуешь, когда он не настроен.
Здесь каждый дом – свой век, своя судьба,
Упрек безликости бетонных новостроек,
И тонкая наличников резьба
Подобна лучшим стихотворным строкам.

О. Рябов открывает и «тайну» непреодолимой тяги туда, в глушь, в деревенскую тишину, к корням...

Зачем в деревню? Чтоб в избе
Печь затопив и сев беспечно,
Понять, что вечность быстротечна...
Зачем в деревню? Чтоб понять,
В чем смысл и скорби, и печали —
....Зачем в деревню? Шутка ль — тут
И Бог в углу, и правда в поле,
И неба синего раздолье...

Россия у Рябова может быть разной. И той, где

Ветер денежки считает на осине,
На осине желтой, розовой, осенней.
Заросла густой осиною Россия
Вся, и тут уже не жнут, уже не сеют.

И Святой Русью, где поминальная Дмитриевская не праздник, а печальник, и в храмах павших воинов оплакивают девы, матери, вдовы и черные с лица старухи. Что значит Родина в его жизни, поэт высказывает в четверостишии:

Без Родины мой дар и глух, и слеп,
А я могу — острее клюва цапли...
И жжет крапивою, и мучает во сне,
Когда за шиворот стекает кровь по капле.

В поэтический мир О. Рябова органично входит культурная составляющая, отечественная и мировая. Кидекша, где на месте встречи братьев Бориса и Глеба в середине XII века был поставлен храм и до сих пор «здесь, пролетев над вечностью, / Парит, белеет храм, / Соперничая с млечностью / И с легкостью пера»; под Саровом можно увидеть на сосне молоденького ангела; напрямую можно обратиться к печальной Богородице, чей лик запечатлен на Казанской иконе. А еще есть невеселый, несмотря на славу и власть, Темучин; Адонис, которого («если верить газетам») догнала смерть; а среди друзей, вошедших в вечность, потерявший сына Дедал, Пигмалион, создавший Галатею, но состарившийся одиноким, учитель Гомер. И персонажи шекспировской пьесы в небольшом цикле «Наследники Гамлета». Через весь сборник в стихах поэта, отметившего в этом году свое семидесятипятилетие, идет осмысление прошлого, прожитого. «Старости нет, есть осень, \ Богатая и золотая. И память», — считает поэт. И размышляет о судьбе своего поколения, о совести и об ответственности.

В окопах нас не убивали,
Не арестовывали ночью...
Нас не догнала вонь доносов.
Не знали холода ГУЛАГа.
Мы жизнь прожили очень просто
И часто с холостой отвагой.

И тем не менее перед поколением, «которое ни за что не отвечало», остро стоит проблема: «как остаться человеком / в конце, уже на Лобном месте». Порой поэт шутивно размышляет о несвершившемся:

Я тобою любовался, как дурак —
Ну, чего не подошел просто так!..
А теперь — хоть плачь, хоть пляши.
По Откосу шла куда-то не спеша,
Я оглядывался: ах, хороша!

Чаще серьезно задумывается, о том, что есть счастье. Быть может, это когда совсем просто, буднично:

День, год, сто лет, тысячелетье —
Какое счастье на Земле
Жить, и вот так на пике лета:
Ночь, сад, бокалы на столе
И женщина — чем не мечта!
Часы устали и отстали,
А могут вскоре даже встать...
И плавала луна в бокале.

В сборник вошли новые произведения поэта и те, что написаны раньше, стихотворения глубокие, мудрые, тематически разнообразные, искусно исполненные. В стихотворении к «К поэту» О. Рябов пишет:

Ты сам не можешь оценить
Тобою свитое пространство,
Ты лишь нанизывал на нить
Бег времени и постоянство,
Пока ты с небом говорил,
Не ты, увы, — оно решало:
Дать или не дать тебе тех сил,
Которых вечно мало, мало.

Читатель может.

**Андрей Марчуков. Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время.
СПб.: Алетейя, 2023. — 300 с. — (Ucrainica et Belorossica).**

Андрей Марчуков исследует, как в русском национальном сознании складывался и как изменялся образ земель, входящих или входивших до недавнего времени в состав нынешней Украины. Именно земель, ибо история различных несхожих между собой регионов, составивших Украину XX — начала XXI века, длительное время развивалась независимо друг от друга. Современность, утверждает автор, всего лишь результат того, что делалось в прошлом и закладывалось до нее. И оборачиваясь в далекое прошлое, ведя отсчет от Древней Руси, проходя через века, подробно останавливаясь на особенностях, времени и способе обретения Россией каждого региона, осмысляя самобытную историю каждого, утверждает: воспринимать Украину как монолитное целое нельзя... Слишком разная история. Русское сознание должно было проделать большую работу, чтобы увязать друг с другом это многообразие. Ключевым периодом формирования «образа Украины», по мысли автора, стал конец XVIII — первые десятилетия XIX века. А. Марчуков называет причины, привлекшие в конце XVIII века внимание русского общества к Малороссии. Среди них пробуждение интереса просвещенного класса к своей истории, естественного после Раскола, оставившего в русском сознании недоверие к собственному историческому опыту (возможно, и навсегда, считает автор, ведь трагические последствия Раскола все еще недооценены), недоверие, усилившееся после радикального разрыва с прошлым в эпоху Петра I. Повышенное внимание к южным землям было и естественным следствием крупных территориальных приращений к Российской империи в конце XVIII века. Русское общество в поисках иден-

тичности решало: «своя» Малороссия или нет, «русская» она или какая-то еще. Постепенно выработывался взгляд на Малороссию как на Русскую землю, историческую отчину, колыбель, из которой вышла Россия. Из забвения возвращался глубинный пласт народного сознания, на основе которого российские литераторы, а за ними и их читатели осмысливали свое историческое «я». На страницы журналов, в литературные и светские салоны вступили Илья Муромец и Добрыня, князь Владимир и Соловей-разбойник. Киев осознал себя как главный духовный и церковный центр Русской земли, куда из века в век шли православные со всех концов Руси-России на богомолье, а Москва как его преемница. Историческая колыбель и духовное сердце – таким, в общих чертах, был первый ментальный пласт восприятия этой земли русским сознанием. Второй ментальный пласт был уже отражением современных реалий: открытием экзотической страны, ее природы, этнографических и языковых отличий малороссов от великороссов – запечатленных в записках путешественников, популярном жанре конца XVIII–XIX века в России и Европе. А Марчуков делает подробный обзор записок русских путешественников, не без иронии отмечая внимание авторов к «непонятному» языку «туземцев». «Как только мода на жанр сойдет, а образ Малороссии и ее народа закрепится в сознании как „свой“, русские бары будут „без труда“ спрашивать дорогу и прочую полезную информацию у малороссийских мужиков, как это делали те же паломники, не испытывавшие языковых барьеров». На особенное отношение к «непохожему» народу как к «казачьему» влияла память о не столь уж давних временах Хмельницкого, казацких восстаниях и войнах, казаки становились олицетворением края. Непросто было связать между собой древность и бытие начала XIX века. Облик Киева первой трети XIX века отнюдь не напоминал былинные времена или раннехристианский период, и там, где когда-то гарцевали витязи и гремели княжеские пиры, красовалась «кривая, довольно грязная улица, униженная по обеим сторонам вывесками различных ремесленников». Но все посетители Киева восторженно отмечали красоту его природы. Большое внимание в книге уделено теме «Малороссия в русской литературе и общественной мысли до Гоголя». Приведено множество ярких примеров того, насколько тесно в русском культурном процессе были переплетены великорусская и малорусская составляющие. К образу Малороссии обращались великороссы малорусского происхождения и малороссы с великорусскими корнями, поэты и путешественники, консерваторы и декабристы, Пушкин и Рылеев, Алексей Толстой и Гребёнка, Карамзин и Хомяков, Чехов и Маяковский... А. Марчуков пишет о том, как и кем разрабатывалась малороссийская тематика в русской художественной литературе и фольклористике еще до появления украинских повестей Гоголя; пишет о малорусском, великорусском и украинофильском, антироссийском польском течениях в общественной мысли начала XIX века; о мифах, появившихся в то время и существующих доныне. Среди мифов и «казачья Украина», «гопаковско-шароваристая» как царство свободы и казачества, и вольный вечевой Новгород. Миф о том, что их поглотила московская деспотия – дань революционным идеалам конца XVIII века («свобода, равенства и братство»). Ни средневековый Новгород, управляемый олигархами, ни Запорожская Сечь, где господствовала казачья верхушка, царствами свободы не были. А. Марчуков указывает, что у истоков многих лжемифов находится анонимное сочинение начала XIX века «История Русов, или Малой России». По сути, политический памфлет, полный искажений, фальшивых свидетельств и легенд. И все-таки решающее влияние на формирование образа Украины в русском сознании оказал Н. Гоголь (1809–1852). Гоголь и его творчество и оказываются в центре исследования. Именно Гоголь смог «предложить» российскому обществу образ Украины-Малороссии одновременно и как взгляд «изнутри» – с точки зрения уроженца тех мест и ма-

лороссиянина, и «извне» – с позиций представителя российского образованного слоя и человека русской культуры. Апофеозом малороссийской темы, по мысли исследователя, является вторая редакция повести «Тарас Бульба», где казачья история и малороссийская вообще становилась для русского общества не просто борьбой за сохранение православия и освобождение от иноземного господства близких, родных – но соседей, а именно своей, русской (а для малороссов таковой становилась вся тысячелетняя русская история). Своею жизнью и мученической смертью Тарас Бульба навечно соединил обе ипостаси образа этой земли. И в таком виде этот образ и вошел в русское национальное сознание, существуя в нем и по сей день. Не только «сон разума», но и незнание рождает чудовищ, пишет А. Марчуков. И именно незнание своей истории, считает он, привело население Украины к духовной катастрофе, к переделке своей национально-культурной идентичности, а затем и к войне на Донбассе и в Новороссии. Это незнание своей истории А. Марчуков и пытается ликвидировать.

Анатолий Вершинский. Всеволод Большое Гнездо из рода Мономаха. Византийские уроки Владимирской Руси. СПб.: Алетейя, 2022. – 188 с.: ил.

Анатолий Вершинский считает, что подробная и непредвзятая биография выдающегося деятеля Средневековой Руси Всеволода Большое Гнездо (1154–1212), при котором Великое княжество Владимирское достигло наивысшего могущества, до сих пор не написана. И пробует устранить лакуны. Будущий великий князь Владимирский родился у второй супруги Юрия Долгорукого в пути, во время половецких на реке Яхроме. Мирское имя перешло ему от знаменитого прадеда – Всеволода Ярославича, титуловавшегося «князем всея Руси». Крещен был в честь святого великомученика Дмитрия Солунского. На месте рождения сына Юрий Долгорукий основал город Дмитров. Участь потомка славного рода казалась безоблачной. Но в 1157 году киевский князь Юрий Долгорукий скоропостижно скончался. Одна из загадок, которые старается решить автор: почему в 1161 году Андрей Боголюбский, сын Юрий Долгорукого от первого брака, удалил из своих владений мачеху и ее детей, своих единокровных братьев, а также племянников Ростиславичей? Классический древнерусский сюжет: противостояние братьев, племянников и дядьев? Или воля боярско-купеческой знати «Ростовци и Суздалци», провозгласившей ростово-суздальским князем Андрея Юрьевича, хотя столы в Ростове и Суздале Долгорукий завещал самым юным своим сыновьям – Михалке и Всеволоду? (К вопросу о демократии в русских землях: впоследствии и Всеволод смог воспользоваться своим правом княжить во Владимире лишь с позволения жителей этого города, то есть и Андрей, и Всеволод были избраны свободными горожанами, участниками народного вече.) Какова реальная подоплека высылки его единокровных братьев и племянников? Ведь уже зимою 1168–1169 годов 14-летний Всеволод – среди соратников Андрея Боголюбского, идущих под началом его сына Мстислава на Киев. Но в 1161 году вдовствующая княгиня, Андреева мачеха, и ее сыновья, какое-то время пожив в Поднепровье, отбыли в Царьград. Сообщения летописцев о «царьградской ссылке» Всеволода содержат пробелы, историки также обычно вскользь упоминают об этом периоде. Еще одна загадка: кем была вторая жена Юрия Долгорукого? Почему она увезла своих детей именно в Византию? Достоверно о ней известно только то, что умерла она в 1183 году. Н. Карамзин, как и его предшественники, считал вторую жену Юрия Владимировича гречанкой. Но была ли она царевной из дома Комнинов? Родственницей императора? Знатной особой из его окружения? Судя по летописи, изгнанников благосклонно приняли в Византии. Юный Всеволод обосновался

с матерью-ромейкой в Константинополе у именитой и состоятельной родни. А. Вершинский по косвенным данным воссоздает образ жизни юного княжича в Константинополе. Он получил хорошее образование, изучал грамматику, логику и риторику, арифметику и геометрию, музыку (учение о гармонии) и астрономию. Он осваивал воинскую науку, присутствовал на придворных церемониях, участвовал в богослужениях, посещал — по малости лет как зритель — рыцарские турниры, которые любил устраивать император Мануил I. В 1168 году совершил паломничество в Фессалонику, на родину святого Дмитрия Солунского. А. Вершинский считает, что в сыне русского князя и знатной византийки соединились ромейская расчетливость и русская широта души, изысканный вкус воспитанника тысячелетней христианской традиции и чуткое понимание обычаев и порядков юной, по меркам истории, лесной страны. Всеволод успешно применял к отечественной действительности византийский опыт умиротворения конфликтующих сторон, первым из правителей обособившихся русских земель принял титул великого князя, ставший наследственным. И в молодые, и в зрелые годы он прислушивался к мнению своих соотечественников, правоспособных горожан, принимал решение, которое отвечало коренным интересам своей земли, и нес за него ответственность. А. Вершинский доказывает, что Всеволод хорошо знал византийские военные доктрины и военный опыт. Он успешно воевал с рязанскими князьями, финно-угорским племенем мордва и — желая прекратить набеги болгар на русские земли и по возможности взять Волжский путь под свой контроль — с Волжской Булгарией. Незвестный автор «Слова о полку Игореве» отмечал, что войско Всеволода может «Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать». За пять веков до Петра Великого уже при Всеволоде Юрьевиче у русских был галерный торговый флот. Русские гребцы «расплескивали» Волгу веслами и в торговых целях: золотой статьей русского экспорта был лен, из которого делали «полотно для ангельских одежд». Отдельные очерки посвящены строительству во Владимире в княжение Всеволода Дмитриевского собора (в честь святого покровителя князя), Успенского собора, Детинца; появлению изображений барсов и леопардов на гербах русских городов и на рельефах соборов. В книге семь глав. С первой по шестую главы построены как тематически связные и сюжетно законченные очерки. Седьмая глава, по сути, жизнеописание героя в виде хронологии, с реконструкцией тех событий и дат, о которых не сообщают летописи. Книга основана на средневековых летописях, других документах эпохи, на трудах ученых-медиевистов. Автор уточняет и упорядочивает датировки летописных событий, правописание имен, обозначение русских владений. Например, в летописях отсутствуют «княжества», а есть «земли», «княжения», «волости». Книга богато иллюстрирована: репродукции старинных миниатюр, икон, мозаик и фресок, фотографии архитектурных сооружений и скульптур, старинных артефактов и реликвий. Эти изображения снабжены подробными пояснительными подписями.

Публикация подготовлена
Еленой **ЗИНОВЬЕВОЙ**

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)